

*Губернаторскому
Евгению Осодоровичу Карскому.*

Д. Зеленинъ.

Авторъ.

НАРОДНЫЙ ОБЫЧАЙ

„ГРѢТЬ ПОКОЙНИКОВЪ“

(Изъ XVIII т. Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества, изданного
въ честь профессора Н. Ф. СУМЦОВА).

INSTYTUT
DAN LITERACKICH PANI
BIBLIOTEKA
Warszawa, ul. Nowy Swiat
Tel. 26-68-63

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Клочковская улица, д. № 5.

1909.

23.742

Народный обычай „грѣть покойниковъ“.

(Литература. Обрядъ. Сельскохозяйственный элементъ обряда. Аналогичные ему святочные обычаи и общее объясненіе ихъ. Тотемическій элементъ обряда и его одинокость. Нижнедѣвицкій новогодній обрядъ безъ тотемическихъ чертъ. Связь его съ культомъ домового. Мысли о праздникѣ въ честь домового на святкахъ. Развитіе тотемическихъ чертъ даннаго обряда изъ обрядовъ въ честь домового. Переживаніе вѣрованія о физическихъ потребностяхъ умершихъ и ихъ удовлетвореніи. Вполнѣ аналогичный весенній праздникъ. Заключение).

Весьма интересный для этнографа южно-великорусскій обычай-обрядъ «грѣть родителей» или «покойниковъ» остается совершенно невѣдомымъ наукѣ. Нѣсколько краткихъ сообщеній о немъ со стороны случайныхъ наблюдателей затерялись въ малоизвѣстныхъ и труднодоступныхъ изданіяхъ. Немногочисленность и краткость этихъ сообщеній даетъ намъ возможность привести ихъ полностью, что мы и дѣлаемъ въ цѣляхъ возможно точнаго и полнаго выясненія физономіи интересующаго насъ обычая.

1. Древнѣйшее извѣстіе относится къ 1852 году. Въ рукописномъ «простонародномъ календарѣ» Щигровскаго уѣзда, доставленномъ въ этомъ году смотрителемъ училищъ Курской губ. Красовскимъ въ Географическое Общество, сообщалось слѣдующее: «24 декабря (коляда) на дворахъ зажигаютъ огни, полагая, что усопшіе родители приходятъ обогрѣваться, и что отъ этого огня пшеница народится ярая (красная)».

Въ такомъ видѣ напечатано было сообщеніе Красовскаго ¹⁾ въ отчетѣ Геогр. Общ. за 1852 годъ ²⁾, но врядъ-ли точно. По крайней мѣрѣ, В. И. Даль въ своихъ «Пословицахъ русск. народа» ³⁾ и въ Толковомъ словарѣ» (S. V. Кутья) приводит такое замѣчаніе для Курской губерніи: «Подъ Рождество и *подъ Крещенье* жгутъ навозъ среди двора, чтобъ

¹⁾ Въ подлинникѣ (по нашимъ справкамъ въ архивѣ Геогр. Общ.) не сохранившееся, а въ 1853 г. напечатанное лишь въ извлеченіи).

²⁾ Вѣстн. И. Р. Г. О. VIII, отд. I, стр. 9.

³⁾ Стр. 1003, изд. 1.

родители на томъ свѣтѣ согрѣвались». Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это замѣчаніе взято Далемъ именно изъ упомянутой рукописи Красовскаго, а оно, какъ видимъ, дополняетъ сообщеніе отчета Г. Общ. весьма существенными чертами.

2. «Суевѣрный обычай обогрѣванія и окуриванія родителей,⁷ существовавшій нѣкогда въ гор. Орлѣ, описываетъ Г. Пясецкій въ своихъ «Историческихъ очеркахъ гор. Орла»¹⁾.

«Обычай состоялъ въ томъ, что на Рождество, Новый годъ и въ день Крещенія хозяинъ дома бралъ горшокъ съ огнемъ и кулъ соломы; попросившись съ домашними, онъ отправлялся на огордъ; здѣсь онъ сперва полагалъ три поклона лицомъ къ востоку, потомъ зажигалъ спопъ соломы съ ладаномъ и приговаривалъ: «ты, святой огонекъ и сѣрпкій дымокъ, несись на небо, поклонись тамъ моимъ родителямъ, расскажи имъ, какъ всё мы здѣсь проживаемъ!»

3²⁾. Покойному публицисту Евг. Маркову принадлежитъ самое полное изъ имѣющихся въ печати описаній разсматриваемаго нами обряда. Относится оно къ Щигровскому уѣзду Курской губерніи и напечатано въ газетѣ «Голосъ» 1880 г. (№ 105; въ статьѣ «Крещеное язычество»).

«Можно ли удивляться» — пишетъ Е. Марковъ — «рассказамъ народа о ночныхъ посѣщеніяхъ покойниковъ. о томъ, что видятъ бродящимъ по двору умершаго хозяина, когда даже днемъ, при полномъ господствѣ здраваго смысла, народъ вѣритъ, что «родительскія душеньки» на святкахъ скитаются около своихъ домовъ?»

Утромъ въ Крещенье вы непременно увидите дымки, поднимающіеся со дворовъ крестьянъ гораздо рапѣе, чѣмъ бабы топятъ печки. Это «родителямъ поминки грѣютъ». Сносятъ на дворъ солому своихъ постелей, кладутъ въ нее разнаго рода зерна и корма, немного ладана, сгребаютъ въ кучу и зажигаютъ. И тѣ, кто стоятъ кругомъ, въ валенкахъ и сапогахъ, грѣя намерзшія руки, конечно, не сомнѣваются, что тутъ же рядомъ съ ними, такъ же реально, какъ они сами, стоятъ имъ невидимыя «родительскія душеньки», озябшія, какъ они; такъ же, какъ они, снимали сапоги и онучи, и съ такимъ же удовольствіемъ грѣютъ на огонькѣ, освященномъ ладаномъ, свои грѣшныя ноги. У однодворцевъ нашихъ круглыя святки продолжаютъ подобныя утреннія возжиганья, говорящія о чѣмъ-то, давно забытомъ и уже нѣсколько утратившемъ свой

¹⁾ Ор. 1874, стр. 165.

²⁾ Здѣсь мы пишемъ, собственно говоря, описаніе двухъ различныхъ, хотя и близкихъ между собою, обрядовъ: 1) «родителямъ поминки грѣтъ» и 2) «катяшки жечь». Въ дальнѣйшемъ первое изъ этихъ описаній мы означаемъ номеромъ 3а, второе — 3б.

прежній смыслъ. Сметають вмѣстѣ всю солому и навозъ, разсыпанные по двору, «сгорнуть въ кучу, ладону туда положить и зажгутъ». Это называется «катышки¹⁾ жечь».

4. Въ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1887 г. (№ 4) напечатана была слѣдующая корреспонденція изъ с. Архангельскаго Борисоглѣбскаго уѣзда:

«Въ с. Архангельскомъ существуетъ слѣдующій небезынтересный обычай *родителей грѣть*. Я былъ очевидцемъ этого факта.—На первый день Рождества Христова, по отходѣ утрени, я вышелъ изъ церкви въ школу, гдѣ памбренъ былъ съ моими ибъчными повторить концертъ; но не успѣлъ я раздать партіи, какъ вдругъ пѣвчіе, съ словами: «ребята, родителей грѣютъ! идемте смотрѣть!» разбѣжались. Отъ неожиданнаго громкаго восклицанія дѣтей я растерялся и не зналъ, что дѣлать. Выйдя на улицу, я увидѣлъ село (до 500 дворовъ) и два окрестныя селенія залитыми огненнымъ моремъ; дымъ большими столбами подымался кверху. На вопросъ мой: «что это значитъ?» отвѣчали: «родителей грѣютъ!» Кромѣ этихъ двухъ словъ, смыслъ которыхъ былъ для меня непонятенъ, я ничего не могъ добиться, потому-что во время этой картины, какъ я замѣтилъ, всѣ старались быть безмолвными, и взоры ихъ были обращены на храмъ, вѣроятно съ молитвою къ Богу. Только послѣ обѣдни я узналъ подробности этого событія, заключающагося въ томъ, что среди каждаго крестьянскаго двора кладется возъ или болѣе соломы, которая по отходѣ утрени и поджигается. Дѣлается это для того, чтобы умершимъ родственникамъ не было холодно лежать въ мерзлой землѣ въ рождественскіе морозы. Въ это время, по понятію крестьянъ, къ этому пламени, невидимо для глазъ зрителей, являютя грѣться умершіе родственники. Разубѣдить крестьянъ въ нелѣпости такого вѣрованія весьма трудно: они не примутъ никакихъ доводовъ, отвергнутся отъ васъ, да, пожалуй, сочтутъ васъ за невѣрующаго въ Бога».

5. Въ одномъ изъ изданій Этнографическаго бюро покойнаго князя В. Н. Тенишева, въ книгѣ С. В. Максимова «Нечистая, невѣдомая и крестная сила» (стр. 218) упоминается объ интересующемъ насъ обычаѣ въ слѣдующихъ краткихъ выраженіяхъ:

«Способы поминанія усопшихъ родителей чрезвычайно разнообразны... Одинъ изъ нихъ называется «грѣть родителей». Практикуется онъ во многихъ мѣстахъ (между прочимъ, въ Тамб. и Орл. губ.) и состоитъ въ томъ, что въ первый день Рождества, среди дворовъ, сваливается и зажигается возъ соломы, въ той слѣпой увѣренности, что умершіе въ это время встаютъ изъ могилъ и приходятъ грѣться. Всѣ домашніе при этомъ обрядѣ стоятъ кругомъ въ глубокомъ молчаніи и сосредоточенномъ молитвенномъ настроеніи. Зато въ

¹⁾ Въ подлинникѣ: «катышки», что мы считаемъ опечаткою (Д. З.).

других мѣстахъ около этихъ костровъ, взявшись за руки, весело кружатся, какъ въ хороводѣ на радуницѣ¹⁾).

По поводу этого, весьма неудовлетворительнаго съ научной точки зрѣнія, описанія, можно только пожалѣть, что богатѣйшій матеріалъ, собранный Этнографическимъ Бюро покойнаго мецената, остается недоступнымъ для изслѣдователей.

6. Проф. М. Г. Халанскій въ своей книгѣ «Народные говоры Курской губерніи» отмѣчаетъ существованіе разсматриваемаго нами обычая въ двухъ мѣстностяхъ Курской губерніи: въ селѣ Болховцѣ Бѣлгородскаго уѣзда и въ с. Лучкахъ Корочанскаго уѣзда. Обычай «справляется на рождественскихъ праздникахъ и состоитъ въ обрядовомъ жженіи соломы»; называется онъ: «жечь перины» или «грѣть покойниковъ» (стр. 43).

Приведенныя нами шесть описаній различныхъ авторовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ строго установившимся народнымъ обычаемъ, отличающимся въ различныхъ мѣстностяхъ только немногими мелкими чертами.—Сущность обычая заключается въ обрядовомъ жженіи соломы или навоза, часто вмѣстѣ съ зерномъ и ладаномъ. Самая же обстановка обряда представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Имя свое «грѣть родителей» (т. е. умершихъ предковъ) обрядъ получилъ отъ своей главной (по народному пониманію въ настоящее время) цѣли—согрѣвать усопшихъ родственниковъ, которые и грѣются, невидимо для присутствующихъ, около обрядоваго костра.—Какъ увидимъ ниже, эта цѣль обряда не единственная и даже, можетъ быть, сравнительно поздняя.—Что же касается до названія «жечь катяшки (3б), то оно равносильно выраженію: жечь навозъ (*катяшокъ*, уменьшит. отъ катяшъ,—мерзлый комокъ скотскаго кала²⁾).—*Жечь перины* (6) означаетъ—жечь солому изъ постелей (ср. 3а).—*Родителямъ поминки грѣть* (3а)—варианція общераспространеннаго названія «грѣть родителей», быть

¹⁾ Тутъ же С. Максимовъ удѣляетъ мѣсто слѣдующей нелпой и невѣроятной баснѣ: «По нѣкоторымъ свидѣніямъ, суевѣрный обычай «отогрѣваніе покойниковъ» состоитъ въ томъ, что тѣло усопшаго, накрытое простыней и положенное на желѣзную рѣшетку, подогрѣвается снизу костромъ изъ березовыхъ дровъ (отнюдь не сосновыхъ и не осиновыхъ, такъ какъ на осинѣ Уда задавился). Обычай этотъ соблюдается лишь раскольниками, и притомъ тайно и непременно ночью».—Легенда эта заслуживаетъ вниманія развѣ только какъ наглядное свидѣтельство того, что терминъ «грѣть покойниковъ» оказывается непонятнымъ во многихъ мѣстахъ и народу. Какъ плодъ такого непониманія и возникла, конечно, приведенная басня, по пословицѣ: «слышалъ звонъ, да не знаетъ, откуда онъ».

²⁾ Проф. Е. Будде отиѣчено *катяшѣкъ* въ Карачевск. уѣз. въ значеніи «испражненіе овцы, excrementum». (Сборн. II Отд. И. А. Н., т. 76, стр. 122).

можетъ болѣе древняя.—*Окуриваніе родителей*, т. е. ладаномъ (2) — отмѣчаетъ особую вариацию въ самомъ обрядѣ, вариацию явно христіанскаго, т. е. позднѣйшаго происхожденія.

Время совершенія обряда падаетъ на святки (3б, 6), въ частности: на первый день праздника Рождества Христова (4, 5); канунъ этого праздника (1); праздникъ крещенія (3а); канунъ его (1); въ каждый изъ трехъ главныхъ святочныхъ праздниковъ: Рождество, Новый годъ и Крещенье (2).—Что же касается до времени сутокъ, то это—раннее утро (3а, 4).

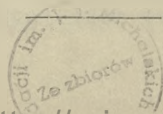
Мѣсто совершенія обряда—дворъ, исключая гор. Орла, гдѣ такимъ мѣстомъ служилъ огородъ (2).

Совершитель обряда названъ только въ одномъ изъ нашихъ источниковъ (2); это—хозяинъ дома. Судя по тому, что онъ здѣсь (въ гор. Орлѣ) первоначально «прощается съ домашними» и потомъ идетъ «на огородъ»,—можно думать, что онъ священнодѣйствуетъ одинъ. Но въ другихъ мѣстахъ несомнѣнно присутствіе постороннихъ зрителей (4) или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ «домашнихъ» (5, 3а).

Общій тонъ обряда—благоговѣнно-торжественный: присутствующіе пребываютъ въ глубокомъ молчаніи, съ тихою молитвою на устахъ, съ обращенными на храмъ или на востокъ глазами (4; 5; 2). Диссонансомъ звучитъ упоминаніе веселыхъ хороводовъ вокругъ обрядоваго костра (5), быть можетъ и выдуманныхъ корреспондентомъ «ради краснаго словца».

Матеріалъ для обрядовыхъ костровъ довольно разнообразенъ. Это — навозъ (1, 3б), солома изъ постелей (3а, 6), солома вообще (возъ соломы: 5; возъ или болѣе: 4; куль или спопъ соломы: 2). Въ главный горючій матеріалъ кладутся еще: разныя хлѣбныя зерна (3а), «кормъ», т. е. скотскій кормъ (3а), и ладанъ (2, 3).

Область распространенія обряда ограничивается южно-великорусскими черноземными губерніями, значительная часть населенія которыхъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ однодворцевъ. Селенія: Архангельское (4), Болховецъ и Лучки (6) — однодворческія. Евг. Марковъ приписываетъ разсматриваемый обычай преимущественно однодворцамъ (3б). Всѣ эти данныя позволяютъ намъ думать, что описываемый обычай является одною изъ отличительныхъ особенностей этнографической великорусской группы однодворцевъ (о которыхъ см. въ нашей статьѣ «Талагаи и цуканы» — въ Пам. кн. Воронежск. губ. на 1907 и отдѣльно). — Въ другихъ мѣстностяхъ, равно какъ и у другихъ народовъ *воплнѣ аналогичнаго* обряда мы рѣшительно нигдѣ не находимъ.

Анализъ описаннаго нами обряда не оставляетъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что обрядъ этотъ сравнительно очень сложный: онъ принадлежитъ одновременно къ двумъ различнымъ культамъ: 1) къ культу предковъ и 2) къ культу земледѣльческому (точнѣе: сельскохозяйственному вообще).

Мы начнемъ разсмотрѣнiе обряда со второго его элемента—съ тѣхъ чертъ, которыя относятся къ культу сельскохозяйственному. Тѣсная связь описаннаго обряда съ этимъ послѣднимъ культомъ ярче всего сказалась въ вѣрованiи, что «согрѣвающiй родителей» обрядовый костеръ вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ и урожаю пшеницы (1). То весьма характерное обстоятельство, что матеріаломъ обрядовыхъ костровъ нигдѣ не служатъ дрова, а всегда солома и навозъ, часто съ хлѣбными зернами, естественнѣе всего объясняется также съ точки зрѣнiя сельскохозяйственнаго культа, причемъ зерна и солома, въ качествѣ матеріала обрядоваго огня, говорятъ о тѣсной связи обряда съ чисто земледѣльческимъ культомъ, а навозъ, испражненiя животныхъ («катышки») и «кормъ» (За) говорятъ о культѣ собственно скотоводческомъ.

Весьма устойчивое приурочиванiе обряда ко времени святокъ даетъ намъ нѣкоторое право утверждать, что этотъ, сельскохозяйственный, элементъ разсматриваемаго обряда древнѣйшiй и основнiй. На время святокъ, по народному календарю, падаютъ праздники именно съ ярко выраженнымъ сельскохозяйственнымъ характеромъ. Въ частности обрядовые костры во время святокъ, извѣстные у многихъ европейскихъ народовъ, имѣютъ тѣснѣйшую связь именно съ сельскохозяйственнымъ культомъ. Достаточно вспомнить южнославянскiй баднякъ (сербск. бадиѧк) — обрядовую дубовую колоду, сожигаемую въ «день бдѣнiя» (баднiдѧн), наканунѣ Рождества Христова: колода эта первоначально обмазывается медомъ и посыпается зерномъ, а головни ея, поставленныя въ саду, способствуютъ урожаю плодовъ. У малоруссовъ съ тою же цѣлью сжигается соръ, что называется: «подкуривать сады». Описанiе этого обычая находимъ въ статьѣ К. Сементовскаго «Очеркъ малороссiйскихъ новѣрiй и обычаевъ» (Молодикъ на 1844 годъ, отд. I, с. 101): «Въ праздникъ Новаго Года въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Малороссiи) существуетъ обычай «подкуривать сады», состоящiй въ слѣдующемъ: начиная отъ вечера богатой кутьи (т. е. 24 д.) до дня Новаго Года, выметая избу, сора не выбрасываютъ вопъ, а собираютъ въ одно мѣсто, и въ Новый Годъ рано, до восхода солнца, выносятъ соръ въ сады и сожигаютъ, вѣря, что чрезъ это деревья приобрѣтутъ болѣе жизненной силы и принесутъ обильнѣйшiй урожай фруктовъ».

Весьма удовлетворительное объясненiе происхожденiя этого рода святочныхъ костровъ мы имѣемъ въ такъ назыв. солярной теорiи: въ дни,

имѣющіе отношеніе къ солнвороту, зажигаются костры съ цѣлью увеличить производительную силу природы и человѣка ¹⁾.

Извѣстно, что зимній солнвороть (12 дек.) отстоитъ отъ святокъ всего на нѣсколько дней ²⁾.

Что же касается до тотемическаго элемента въ разсматриваемомъ нами обрядѣ, то онъ, по народному пониманію въ настоящее время, является основою всего обряда, давшей этому послѣднему и свое имя «грѣть родитетей» (т. е. умершихъ предковъ). Но времени святокъ этотъ элементъ является вообще не соотвѣтствующимъ, и въ качествѣ святочного тотемическаго обряда стоитъ совершенно одиноко. Правда, Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ говорить о «вселенской панихидѣ» въ субботу передъ Рождествомъ ³⁾, но это чисто церковное установленіе совсѣмъ не проникло въ русскую народную жизнь. Что же касается «праздника всѣхъ душъ» (*festum omnium animarum*, нѣмецк. *Seelentag*, эстонск. *hingidepäew*) католическихъ и отчасти протестанскихъ народовъ, то и время его (1—4 ноября) отстоитъ слишкомъ далеко отъ святокъ, да и онъ также не напелъ себѣ никакого отклика въ русскомъ народѣ, оставшемся внѣ вліянія латинской культуры.

Тотемическій обрядъ во время веселыхъ святокъ, — это звучитъ какъ-то диссонансомъ въ русскомъ народномъ календарѣ. И уже одно это обстоятельство даетъ право спросить, не являются ли тотемическія черты въ разсматриваемомъ нами обрядѣ позднѣйшимъ наслоеніемъ?

Еще больше и притомъ болѣе основательныхъ поводовъ къ такому предположенію даетъ фактъ существованія близко родственнаго нашему обряду такого святочного же обряда, въ которомъ тотемическія черты совсѣмъ отсутствуютъ, хотя вообще этотъ послѣдній обрядъ характеризуется весьма древними чертами.

Единственное извѣстное намъ описаніе такого именно обряда мы имѣемъ въ статьѣ Мих. Владимірова, напечатанной въ «Воронежск. Губ. Вѣдомостяхъ» 1851 года (№ 38, стр. 308) подъ заглавіемъ «Воспоминанія о Хохлѣ». Приводимъ это сообщеніе:

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. В. Харузина, Къ вопросу о почитаніи огня, (Этн. Обзор. 1906, III—IV, стр. 108—110).

²⁾ Другой рядъ святочныхъ костровъ, не находящійся ни въ какой связи съ сельскохозяйственнымъ культомъ, имѣетъ очистительное значеніе и, вѣроятно, связанъ съ широко-распространеннымъ въ русскомъ народѣ вѣрованіемъ въ то, что на святкахъ печетая сила получаетъ весьма легкій доступъ на землю, а значитъ и весьма легкую возможность вредить людямъ. (Цитаты о святочныхъ кострахъ этого послѣдняго рода см. въ названной статьѣ В. Харузиной, стр. 130).

³⁾ *Снегиревъ*. Русск. простонар. праздн. IV, 114—115.

«Въ январѣ 1848 года случилось мнѣ быть въ Хохлѣ, у своихъ родственниковъ. Приѣхалъ я за полночь 31 декабря... На другой день я пробудился при звукахъ колокола. Помню я этотъ день. Солнце еще не взошло и по востоку протянулась яркая полоса, означающая близость восхода... Густые слои дыма въ разныхъ мѣстахъ селенія казались потухающимъ пожаромъ; кое-гдѣ видѣлось пламя и опять замирало. На дворѣ ветерана ¹⁾ также былъ разложенъ *навозъ* и надъ нимъ царилъ густой дымъ. Крестьяне ухаживали около костра: одни метлами расчищали снѣгъ, другіе лопатами валили *навозъ* и *солому* на огонь, стараясь поддержать его, вѣроятно, на долгое время. Не зная причины такого освѣщенія, и обратился съ вопросомъ къ одному изъ работающихъ и получилъ въ отвѣтъ, что Новый Годъ—второй *скотный праздникъ* ²⁾. Вскорѣ отошла утренняя и пришелъ дядя. Около костра наклали *сноповъ разнаго хлѣба*; и вотъ, изъ хлѣвовъ потянулась скотина—лошади, коровы и овцы. Животныя столпились около костра и принялись было за искусственный подножный кормъ, но ихъ не допускали воспользоваться такимъ благоприятнымъ случаемъ: снопы охраняли. Наконецъ, около этого мѣста сгруппировались крестьяне и тутъ-то потянулась странная процессія—эмблема вѣры и суевѣрія, остатокъ язычества въ Россіи. Впереди шелъ мальчикъ, неся въ рукѣ образъ; за нимъ дяди съ святою водою, которою онъ кропилъ скотъ; далѣе крестьянинъ, прикрытый вывернутымъ наизнанку тулупомъ, и другой, съ топоромъ въ рукѣ, оканчивавшій шествіе. Въ глубинѣ сцены, къ огуменнику, стояли крестьяне и крестьянки. Всѣ сохраняли ненарушимое молчаніе, набожно крестясь на Востокъ. Иногда дымъ поднимался сильнѣе и совершенно закрывалъ отъ взора противоположную сторону сцены, иногда прямою струйкою уносился вверхъ. Раза три обошла процессія около костра; и вотъ, дядя остановился первый, и всѣ за нимъ. Послѣ этого крестьянинъ съ топоромъ выступилъ впередъ... Подсучивъ правый рукавъ и ловко замахнувшись, онъ перекинулъ топоръ черезъ скотъ въ костеръ.—Послѣ, скотину погнали въ хлѣвъ, тулупъ былъ вывороченъ на лицо, костеръ заметали снѣгомъ и разложенные снопы свесены въ амбаръ, гдѣ они должны храниться «до potreбы». Если корова захѣтетъ «отъ недобраго глаза», если «нечистая сила лошадь не взлюбила», то новогодній сношъ отъ такихъ наважденій большая подмога. Крестьяне часто рассказываютъ про разныя продѣлки *домового*, который не взлюбилъ лошадь. Всю ночь пыхтитъ и бьетъ животное подъ тяжестью «дѣдушки» и къ утру лошадь оказывается вся въ мылѣ. Если знахари не помогаютъ, то приѣзжаютъ къ снопамъ, окропленнымъ на Новый Годъ святою водою. Рѣжутъ рѣзку, перемѣшиваютъ съ мукою и даютъ въ пищу больной скотинѣ. Обычай давать такую рѣзку заболѣвшимъ животнымъ и предразсудки о домовомъ, имѣющемъ вліяніе на благосостояніе скота, сохранились, кажется, еще по всему уѣзду въ быту крестьянскомъ» ³⁾.

¹⁾ Дяди автора, служившаго, какъ видно изъ статьи, въ войскахъ Суворова (Д. З.).

²⁾ Первый бываетъ въ день св. Власія, 18 августа (М. Влад.).—Тутъ недоразумѣніе: 18 августа—день св. Флора и Лавра, извѣстный «лошадиный праздникъ» (Д. З.).

³⁾ Мих. Владиміровъ извѣстенъ намъ какъ авторъ и нѣсколькихъ другихъ статей въ тѣхъ же Губ. Вѣд. (наприм. 1850 г., № 8; 1851, № 52), и мы не имѣемъ никакихъ основаній недовѣрять ему, или считать его описаніе неполнымъ. Намъ неясно изъ его статьи

Въ описанномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою новогодній обрядовый костеръ изъ навоза и соломы, который зажигается на дворѣ рано утромъ. Во всемъ этомъ—полное тожество съ изслѣдуемымъ нами святымъ обрядомъ «грѣть родителей». Фигурирование въ нижедѣвицкомъ обрядѣ домашняго скота само по себѣ не представляетъ еще собою чего-нибудь совершенно новаго и отличнаго: въ первомъ обрядѣ скоть также фигурируетъ, но только символически (въ видѣ его экскрементовъ). Разница лишь въ томъ, что въ нижедѣвицкомъ обрядѣ скоть является, такъ сказать, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: для его именно берега, судя по описанію Владимірова, и совершается вся процедура. Бросаемый, въ концѣ обряда, черезъ скотину въ обрядовый костеръ топоръ знаменуетъ собою, конечно, истребленіе (или запугиваніе) враждебной скоту нечистой силы; а разложенные вокругъ обрядоваго костра снопы разнаго хлѣба получаютъ чудесную силу бороться съ *домовымъ* въ случаяхъ его недружелюбнаго отношенія къ домашнему скоту.

Эти отличныя черты однако отнюдь не могутъ служить препятствіемъ къ признанію близкаго родства разсматриваемыхъ нами обрядовъ. Изъ двухъ элементовъ—тотемическаго и сельскохозяйственнаго—первый совсѣмъ отсутствуетъ въ нижедѣвицкомъ обрядѣ; неудивительно, что второй получилъ болѣе выпуклое развитіе. Что же касается того различія, что въ нижедѣвицкомъ обрядѣ мы видимъ заботу только о скотѣ¹⁾, а въ обрядѣ «грѣть родителей» только о пшеницѣ, то это не имѣетъ никакого значенія: земледѣльческій и скотоводческій элементы—двѣ стороны одного и того же культа сельскохозяйственнаго.

Для полнаго пониманія описаннаго нижедѣвицкаго обряда необходимо, однако, еще выяснитъ: въ честь кого возжигается этотъ торжественный обрядовый костеръ? кому это жертва? Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ такъ: домовому. Мотивы наши слѣдующіе:

Фигурирующіе въ обрядѣ снопы обладаютъ силою спасти домашній скоть отъ враждебныхъ продѣлокъ домового. Но о высшей, по сравненію съ *домовымъ*, и о борющейся съ этимъ послѣднимъ силѣ русская мифология только одно: кто были исполнители описаннаго обряда—малороссы или великороссы? по-ишшичьи крестьяне или однодворцы? На первый вопросъ мы получили отвѣтъ отъ секретаря Воронежскаго Статистическаго Комитета, уважаемаго Д. Г. Тюменева, который пишетъ намъ, что Хохоль—великорусское село. Что же касается второго вопроса, то мы можемъ только *предполагать*, что это—однодворческое село (такъ какъ въ «Спискѣ насел. мѣстъ Воронежск. губ.» [№ 1929] оно названо «казеннымъ») и что фигурирующій въ обрядѣ *дяди* автора былъ не помѣщикомъ, а богатымъ однодворцемъ. Кстати здѣсь замѣтимъ, что село Хохоль лежитъ въ Нижедѣвицкомъ *уѣздѣ*, при рчч. Хохль и Дѣвицѣ, въ 30 верстахъ отъ своего уѣзнаго города.

¹⁾ Но и здѣсь раскладываются кругомъ обрядоваго костра снопы разнаго *хлѣба*, т. е. видна забота и о хлѣбѣ.

логія рѣшительно ничего не говоритъ. Остается вполне естественное предположеніе, что обрядовый снопъ напоминаетъ недовольному чѣмъ-либо домовому о принесенной *ему* въ день Нового Года торжественной жертвѣ и тѣмъ спасаетъ отъ его гнѣва большое животное.

У карпатскихъ бойковъ обрядовое жженіе соломы «послѣ коледы», сопровождаемое скакапіемъ черезъ огонь, извѣстно подъ характернымъ названіемъ «сожженіе Дида или Дидуха»¹⁾. Записавшій этотъ обычай авторъ предполагаетъ, что это—предохранительное средство отъ вреднаго вліянія Дида или Дидька, т. е. духовъ, вполне соответствующихъ великорусскому домовому. Во всякомъ же случаѣ, названіе обычая не оставляетъ сомнѣнія въ его связи съ культомъ домового.

Матеріаль костра--навозъ (другими словами: соръ на дворѣ) также легче всего объясняется тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ жертвою домовому— главному хозяину дома и двора и вмѣстѣ покровителю и хозяину скота. Навозъ, какъ соръ на дворѣ и какъ одинъ изъ продуктовъ скота, принадлежитъ ео ipso домовому²⁾. Соръ въ домѣ (respons. и во дворѣ) вообще играетъ большую роль въ мнѣологическихъ воззрѣніяхъ русскаго народа. По нему, напримѣръ, можно напустить болѣзнь точно такъ же, какъ и по слѣду челоуѣка³⁾. Но особенное значеніе пріобрѣтаетъ соръ во время святокъ. Мы уже говорили выше о малорусскомъ обычаѣ сжигать накопившійся на святкахъ соръ въ саду, черезъ что увеличивается урожай плодовыхъ деревьевъ. Здѣсь укажемъ еще на употребленіе сора въ святочныхъ гаданіяхъ. Въ Ржевскомъ уѣздѣ гадаютъ такъ: «въ крещенье послѣ заутрени метуть полъ избы и съ соромъ идутъ въ овинъ. Въ окошко овинное кладуть соръ и прислушиваются: если услышать звонокъ, то гадающей особѣ быть замужемъ или жениться; если что-то засыпаютъ— умереть»⁴⁾. У бѣлоруссовъ извѣстно такого рода гаданіе наканунѣ Нового Года: «послѣ ужина дѣвушки выметають избу, соръ выносятъ въ какомъ-либо сосудѣ въ садъ или во дворъ и садятся на сосудъ, въ которомъ находится соръ, въ ожиданіи собачьяго лая: въ какой сторонѣ услышать лай, съ той стороны ожидать жениха»⁵⁾. Въ

¹⁾ *И. И. Дубровскій*. Гуцулы—обыватели вост. отр. Карп. горъ: Пантеонъ 1855 г., т. XXI, отд. III, стр. 47.

²⁾ Кстати здѣсь замѣтимъ, что соръ—это символъ живущихъ въ домѣ, т. е. домохозяевъ, равно какъ навозъ (=соръ во дворѣ)—символъ обитающихъ во дворѣ, т. е. домашняго скота. Вотъ почему мы и имѣли право сказать выше, что скотъ фигурируетъ въ обрядѣ „грѣть родителей“, хотя бы символически (въ видѣ навоза вообще, особенно же въ видѣ „катышковъ“).

³⁾ *С. Максимовъ*. Нечистая, невѣдом. и крестная сила, 211.

⁴⁾ Тверскія Губ. Вѣдом. 1850 г., № 28, стр. 86.

⁵⁾ *Булаковскій*. Пивчуйки, стр. 183.

день Нового Года «выметають утромъ избу и выносятъ соръ за село, чтобъ на поляхъ въ хлѣбѣ не было сорной травы»¹⁾.

Такимъ образомъ, во время святокъ соръ получаетъ чудодѣйственную силу. И мы не найдемъ для этого никакого другого объясненія, кромѣ того, что въ это время соръ играетъ роль символической жертвы покровителю дома, скота и всего домашняго хозяйства—домовому. Очевидно, что на святки падаетъ праздникъ въ честь этого послѣдняго. М. Чулковъ въ своей «Абевегѣ русскихъ суевѣрій» сообщаетъ о повѣрьи—не выпускать скотину изъ хлѣвовъ въ день Рождества Христова (стр. 282) Нѣчто аналогичное имѣемъ мы въ повѣрьи о 30-мъ марта (приводимомъ съ «Сказ. русск. нар.» Сахарова), когда скотину запирають по хлѣвамъ въ виду «бѣшенства» домового. Нѣтъ ли чего-либо подобнаго и на святкахъ, когда нечистая сила (къ которой, хотя, такъ сказать, и только одною своею стороною, принадлежитъ и домовый) получаетъ особенную силу вредить людямъ?

Можно указать еще и много другихъ фактовъ, говорящихъ въ пользу того, что на святки падаетъ время какого-то праздника въ честь домового (или, быть можетъ, въ честь его предшественника—скотьяго бога?) О томъ говорить, напримѣръ, «свиной праздникъ» въ день Нового Года²⁾. Хотя теперь этотъ праздникъ связанъ съ личностью св. Василя Кесарійскаго; но связь эта, конечно, позднѣйшая и св. Василій замѣнилъ тутъ кого-то другого.

Теперь мы возвращаемся вновь къ интересующему насъ обряду «грѣть родителей» и, на основаніи приведенныхъ выше данныхъ о родственныхъ съ нимъ святочныхъ жертвахъ домовому, высказываемъ предположеніе, что обрядовые костры съ цѣлью «грѣть родителей» были первоначально такими же умиловительными жертвами домовому, какъ покровителю домашняго хозяйства.

И самая личность домового, и культъ въ честь его тѣснѣйшимъ образомъ связанъ, какъ извѣстно, одновременно и съ сельскохозяйственнымъ культомъ, и съ культомъ предковъ. Естественно, что и посвященные домовому обряды должны были развиваться, въ позднѣйшей исторіи своего существованія, въ двухъ различныхъ направленіяхъ: въ одномъ случаѣ въ нихъ получали преобладаніе элементы сельскохозяйственнаго культа, въ другомъ—черты культа тотемическаго. Яркій примѣръ перваго рода

¹⁾ Тамъ же, стр. 184.

²⁾ *Свидѣнія* о немъ и цитаты см. въ нашей статьѣ «Троецъплатница» въ Памятн. Книжкѣ Вятск. губ. на 1906 г. и отдѣльно, стр. 28—29.

мы имѣемъ въ нижнедѣвицкомъ новогоднемъ обрядѣ; характерный случай второго рода—въ святочномъ обрядѣ «грѣтъ родителей».

Остается только еще вопросъ, какимъ образомъ «родители» замѣнили прежняго домового? Самый фактъ такой замѣны никому особенно страннымъ казаться не долженъ, такъ какъ личность домового «дѣдушки» (хотя бы и не вполне еще ясная для изслѣдователей) находится въ безспорной и тѣснѣйшей связи съ душами умершихъ предковъ. Что же касается самого процесса замѣны, то естественнѣе всего предполагать, что она произошла подъ вліяніемъ постепенной христіанизациі обряда.

Христіански-мыслящему человѣку уже стало неловко приносить явную жертву домовому¹⁾, и вотъ эта послѣдняя замаскировывается. Въмѣсто «грѣтъ поминки домовому—дѣдушкѣ» (а priori предполагаемая нами формула) стали говорить: «грѣтъ поминки родителямъ» (За), а потомъ, уже вѣроятно на почвѣ потемнѣнія первоначальнаго смысла обычая и еще проще: «грѣтъ родителей». Эта послѣдняя формула породила и соответствующую картину для ея объясненія: мерзнуція въ суровые святочные морозы души умершихъ начали являться къ кострамъ обогрѣваться. Для вящей христіанизациі обряда, для бѣльшаго сходства его съ христіанскими поминальными обрядами, явился и ладанъ, который здѣсь самымъ страннымъ и ненормальнымъ образомъ смѣшивается съ навозомъ и «ка-тяшками».

Такимъ образомъ, тотъ элементъ обряда, который самъ народъ въ настоящее время считаетъ самымъ главнымъ и основнымъ, мы, на основаніи воссоздаваемой сравнительно-этнографическимъ путемъ исторіи обычая, считаемъ очень позднимъ, христіанскимъ. Мы склонны даже думать, что современное народное пониманіе разсмотрѣннаго нами обычая возникло, или по крайней мѣрѣ распространилось, даже въ качествѣ культурнаго явленія, т. е. тѣмъ же путемъ, какъ распространяется, напримеръ, теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нелѣпая басня о физическомъ согрѣваніи покойниковъ, явившаяся также для объясненія ставшаго неяснымъ термина. (Мы привели выше эту басню изъ книги Максимова). Однако необходимости въ такого рода предположеніи совсѣмъ нѣтъ. Новое возрѣніе на обрядъ могло замѣнить собою старое и на почвѣ тѣхъ психологическихъ процессовъ, которые представляютъ собою специфическую особенность чисто народной психологіи.

¹⁾ Безспорно, что и духовенство возставало противъ такого рода жертвы. Ниже мы встрѣтимся съ краткимъ указаніемъ на этотъ счетъ Стоглава. М. П. Успенскій сообщалъ намъ о проповѣдяхъ духовенства, возстающихъ противъ суевѣрныхъ огней и указывающихъ, между прочимъ, на ихъ практической вредъ въ смыслѣ пожаровъ.

А именно, въ данномъ случаѣ могло сыграть весьма большую роль сохраняющееся въ глубинѣ народнаго сознанія *переживаніе* глубочайшей старины—воззрѣніе, что умершіе нуждаются въ теплѣ и что эта ихъ потребность можетъ быть удовлетворена возженіемъ костровъ. Въ болѣе чистомъ видѣ это вѣрованіе сохраняется у различныхъ дикихъ народовъ Новаго Свѣта. «Туземцы нѣкоторыхъ мѣстностей Бразиліи, равно какъ и жители Австраліи, разводятъ костры у могилъ втеченіе нѣсколькихъ дней (послѣ погребенія покойника). Ирокезы дѣлали это для того, чтобы покойникъ могъ *грѣться у огня* или готовить себѣ пищу. Одно изъ племенъ Африки разводитъ огни на могилахъ своихъ умершихъ друзей преимущественно въ холодныя или сырыя почвы, когда душа покойника нуждается въ теплѣ не менѣе, чѣмъ живой человѣкъ»¹⁾.

Должно замѣтить, что психологія этого переживанія вообще не подходитъ въ противорѣчіи съ міровоззрѣніемъ русскаго крестьянина, а напротивъ, соотвѣтствуетъ общему культурному его уровню. Оно вполне аналогично тѣмъ вѣрованіямъ, которыя лежатъ въ основѣ различныхъ обрядовъ кормленія умершихъ—обрядовъ, распространенныхъ въ русскомъ народѣ повсюду. Здѣсь тоже самое воззрѣніе, что умершіе нуждаются въ удовлетвореніи своихъ физическихъ потребностей. Приведемъ хотя бы это свидѣтельство П. Малыхина изъ Нижнедѣвицкаго уѣзда: «Крестьяне думаютъ, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, нуждается въ пищѣ, и потому печь пироги и блины для поминовенія усопшихъ родственниковъ значить, по ихъ мнѣнію, печь о насыщеніи ихъ душъ. Для этого они бросаютъ пироги и блины на могилы, даже льютъ на нихъ водку»²⁾.

Есть основанія полагать, что вполне аналогичный рассмотрѣнному нами обряду обычай имѣлъ мѣсто еще и въ другое время года, весною. Въ христіанское время онъ совпалъ съ днемъ великаго четверга на страстной недѣлѣ. Свѣдѣнія наши объ этомъ обычаѣ весьма скудны и неполнѣ ясны.

1. Въ 26-мъ вопросѣ 41-й главы Стоглава читаемъ: «въ великій четвертокъ порану солому палать и кличють мертвыхъ». Само по себѣ «паленіе соломы порану» еще не составляетъ суевѣрія (вѣдь и печи топятъ соломою «порану»). Очевидно, «паленіе» соломы и «кликаніе мертвыхъ» находились между собою въ тѣсной органической связи. А если такъ, то здѣсь мы имѣемъ нѣчто очень близкое рассмотрѣнному

1) Н. Харузинъ. Этнографія, IV, стр. 258.

2) Этнограф. Сборн. Географ. Общ. I, 226.

нами выше обряду, гдѣ мертвыхъ тоже призываютъ къ огню, хотя и не громкими кликами, а мысленною молитвою.

2. В. Н. Добровольскій въ своей статьѣ «О дорогобужскихъ мѣщанахъ и ихъ шубрейскомъ или кубрацкомъ языкѣ» коротко говоритъ о мѣстномъ обычаѣ «грѣть родителей» на радуницѣ. «Въ средѣ дорогобужскихъ мѣщанъ сохранились многіе древніе обычаи и обряды; они сохраняются и поддерживаются особенно въ Заднѣпровской части города... Вечеромъ наканунѣ радуницы и вторника Троиной недѣли собирается народъ въ поле, несутъ *дрова* «родителей грѣть». Кругомъ зажигаются огни; молодежь прыгаетъ черезъ огонь, играетъ въ горѣшши (горѣлки²), въ ката-мышку, въ веревочки.— Если смотрѣть съ холмовъ Дорогобужа на заднѣпровскую часть, то можно видѣть массу свѣтящихся огоньковъ; до поздней ночи слышенъ крикъ и смѣхъ веселящейся молодежи»¹).

Напомнимъ, что радуница отстоитъ отъ великаго четверга всего на десять дней. Но въ городахъ, особенно же съ такимъ смѣшаннымъ и сброднымъ населеніемъ, каковъ гор. Дорогобужъ, служившій въ XVIII-мъ вѣкѣ мѣстомъ ссылки преступниковъ и бродягъ, старые обряды сохраняются въ крайне нечистомъ и искаженномъ видѣ. И въ данномъ случаѣ никакъ нельзя поручиться, что это именно перенесенный съ великаго четверга обрядъ, отмѣченный въ свое время Стоглавомъ. Дрова (а не солома) въ качествѣ матеріала для костра и веселый тонъ обряда напоминаютъ скорѣе купальскіе огни.

3. На великій четвергъ, по народному календарю, падаетъ праздникъ въ честь домового. Слѣды этого праздника крайне разнообразны. Укажемъ на отмѣченные въ разныхъ мѣстахъ въ этотъ день обычаи «прикармливанія домового», «высматриванія домового», обрядовыхъ просьбъ къ домовому о томъ, чтобы скотина ходила домой, обряды съ четверговою солью и т. д.

Эти скудныя данныя не оставляютъ однако сомнѣнія въ томъ, что на великій четвергъ нѣкогда падалъ тотемическій праздникъ, между прочимъ и съ возженіемъ костровъ. Что случилось съ этимъ праздникомъ? Максимовичъ и Сахаровъ, приводя свидѣтельство Стоглава, согласно замѣчаютъ, что теперь такого обычая нѣтъ ни на югѣ Великороссіи²), ни на Украйнѣ³). Очевидно, большую часть тотемическихъ обрядовъ этого дня перетянула на себя радуница, въ качествѣ общепризнаннаго и официальнаго (церковнаго) помипальнаго праздника.

¹) Извѣстія II Отдѣл. И. Ак. Наукъ, 1897 г., т. II, кн. II, стр. 333.

²) Сказанія русскаго нар. Праздн. и обычаи. Спб. 1885, стр. 223.

³) М. Максимовичъ. Собр. сочин. II, 510.

Часть же ихъ, въ частности костры изъ соломы, могла перейти и на святки: сроки эти, хотя и отдаленные, могли сближаться въ качествѣ однородныхъ праздниковъ въ честь домового.

Въ заключеніе считаю умѣстнымъ замѣтить, что я приступалъ къ изслѣдованію разсмотрѣннаго обряда съ мыслью найти въ немъ отголоски прежняго трупосожиганія. Думать такъ побуждало меня главнымъ образомъ то обстоятельство, что описанный обрядъ извѣстенъ почти исключительно въ области древнихъ вятичей, у которыхъ, какъ можно заключать изъ лѣтописи Нестора, трупосожиганіе держалось дольше, чѣмъ у другихъ русскихъ племенъ. Но при изслѣдованіи я не напелъ рѣшительно никакихъ доводовъ въ пользу такого мнѣнія¹⁾. Но въ разсмотрѣнномъ обрядѣ мнѣ удалось подмѣтить довольно прозрачный примѣръ того, какъ протекаетъ исторія развитія одного и того же обряда въ двухъ различныхъ направленіяхъ и какъ соприкасаются между собою, иногда до полнаго сліянія, два различныхъ культа. Наконецъ, данное изслѣдованіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на культъ, а отчасти и на самую личность домового.— Все это и даетъ намъ смѣлость предложить свою скромную работу вниманію изслѣдователей.

Р. С. Во время печатанія настоящей статьи появилась въ печати интересная работа *Ө. И. Поликарпова* «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, Воронежской губ.»²⁾. Изъ данныхъ мѣстнаго консисторскаго архива и церковныхъ лѣтописей авторъ извлекаетъ, между прочимъ, свѣдѣніе, что «обычай *грѣть ножки покойникамъ* подъ Новый годъ и подъ Крещенье, повидимому, распространенъ повсемѣстно, въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ³⁾. По наблюденіямъ самого автора, въ селѣ Истобномъ того же уѣзда обычай этотъ извѣстенъ подъ названіемъ «*жечь пурину*»⁴⁾. Совершается онъ здѣсь *вечеромъ* подъ Новый годъ и подъ Крещенье: «село освѣщается пламенемъ костровъ—то любящіе потомки отогрѣваютъ замерзшіе въ крещенскіе морозы кости роди-

1) Вотъ почему я и не остановился совсѣмъ на мнѣніи А. Котляревскаго, сопоставляющаго данный обычай (извѣстный ему только по Стоглаву и по краткому замѣчанію въ словарь Даля) съ широко распространеннымъ обычаемъ сожиганія соломы, на которой лежалъ покойникъ. (О погреб. обряд. язык. славянъ, 144). Это совершенно различные обычаи.

2) Ворон. 1907; отгискъ изъ «Воронежской Старины», вып. VI.

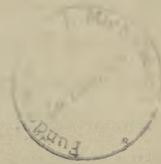
3) С.с. Березово, Ясенки, Ключи и Прогорѣлово, стр. 128.

4) Тамъ же, стр. 128.

телей или усопшихъ предковъ»¹⁾, мы встрѣтили еще указаніе на существованіе разсмотрѣннаго нами обычая въ селѣ Аношкинѣ Воронежскаго уѣзда: во время утрени въ Рождество, Новый годъ и Крещенье «пылаютъ костры чуть не на каждомъ дворѣ: это жгутъ навозъ и солому для обогрѣванія умершихъ».

Эти новыя данныя подтверждаютъ, что разсмотрѣнный нами обычай распространенъ повсюду у *одnodворцевъ*, южно-великорусскихъ губерній; всѣ названныя села—одnodворческія. Что же касается оригинальнаго названія *жечь пурину*, то оно, кажется, равносильно выраженію: жечь солому. По «Толковому словарю» В. И. Даля, *пуринь*—соломенные головни, которыя носятся по вѣтру клочьями на пожарахъ.

Д. Зеленинъ.

¹⁾ Памятная книжка Воронежской губ. на 1906 годъ, стр. 25.—Въ «Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1883 года (№ 14).

F

23742